

16+

Алиса Русинова

Спутник «Альфа»

Алиса Русинова

Спутник «Альфа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65794285

SelfPub; 2021

Аннотация

На спутник «Альфа» допускают только лучших. Двум друзьям – сиротам Антону и Пете – повезло таковыми стать. Они прошли самый сложный отбор для того, чтобы попасть на спутник. Для каждого из них это шанс найти своё место в жизни. Вот только всё ли благополучно на спутнике «Альфа» на самом деле?...

Алиса Русинова

Спутник «Альфа»

Я никогда не покидал пределов нашего архипелага.

Тоха тоже.

Поэтому сейчас мы оба беспокойно ворочаемся в своих постелях. Пытаемся хоть немного поспать.

Я поворачиваюсь на спину и, смотрю на стеклянный потолок, сквозь который открывается вид на Большое Скопление.

– Эй!

Тоха. Блестит в темноте глазами, тоже не может спокойно лежать.

– Как думаешь, видно отсюда наш приют?

– Вряд ли. Мы в самой середине Большого Скопления. Тут крайние архипелаги не просматриваются.

Тоха возбуждённо ёрзает. Я закрываю глаза.

Завтра для нас изменится всё.

Приют где мы выросли, находился на самой окраине трёхсотого архипелага и оттуда открывался не очень-то хороший вид. Но именно там я провёл последние шесть лет. Мои родители были экологами и попали под Большой Выброс с Земли вскоре после того, как мне исполнилось семь.

Тоха провёл в приюте всю жизнь. Говорят, его нашли в

одном из машинных отсеков административного корабля.

Вообще, двенадцать лет назад времена были такие, что многие своих детей оставляли. В Большом Скоплении как раз появился новый Спутник «Альфа». Самый инновационный и престижный спутник тридцатого века. «Сердце архипелагов».

Вот на него отовсюду люди и побежали. Но ведь на то он и спутник – места в нём немного, и брали туда только семьи без детей.

Так что Тоха не один такой. Неудивительно, что сейчас ворочается и вздыхает в своей кровати. Сегодня он как никогда близко к родителям – на Спутнике «Альфа».

Открываю глаза и снова смотрю на стеклянный потолок. Надо же – разглядываю корабли Большого Скопления прямо из кровати. У меня перехватывает дух.

Началось всё с того, что год назад во всех архипелагах запустили программу «большой мозг». В течение года ты пишешь всякие тесты, олимпиады, задания выполняешь. А в конце года выбирают самого умного от каждого архипелага и потом отправляют на Альфу. Говорят, тут будет ещё отбор. А самых-самых умных оставят работать и жить.

Мне все испытания давались легко. Честно признаться, я не сомневался, что от нашего приюта на Альфу попаду я.

А вот Тоха. Тоха даже в десятку не входил.

Но у Тохи была цель.

– Тах... тах...

Мои же кроссовки больно врезаются в бок.

Первый день в приюте.

Я даже не успел понять в чём виноват. И вот, уже лежу на полу без обуви. Внутренности чемодана вывернуты в коридор.

А вокруг незнакомые лица.

Закрываю глаза. Я не знаю, что делать в таком случае, меня не учили. Просто надеюсь, что само пройдёт.

Внезапно и правда проходит.

– Бешеный! Отвали!

Открываю глаза. Маленький смерч носится по коридору. В руке зажата ножка от стула. Он как будто намагничен – противники отскакивают, не успев с ним соприкоснуться.

Когда остаёмся только мы вдвоём он, тяжело дыша, протягивает руку.

– Сильно они тебя успели?

Так я познакомился с Тохой

Тоха хрустит в своей кровати пайком.

Перед вылетом нам надавали кучу еды. Наверное, ещё на месяц хватит. Воспитатели очень гордились, что именно от

нашего приюта на Альфу попадут два человека – одели нас во всё лучшее, дали с собой всякого разного...

Тоха вдруг перестаёт жевать:

– Слышишь?

Сперва я не понимаю, что он имеет в виду.

А потом они становятся громче.

Шлепки в коридоре. Похоже на босые ноги. Не тяжёлые и грузные, взрослого человека, а лёгкие ножки шестилетки. Хмурю брови в темноте. В «большой мозг» брали только с двенадцати. А до нас на Альфе вообще не было детей.

– Тут же нет детей! – Тоха читает мои мысли.

Пожимаю плечами.

– Может какое-то акустическое искажение?

– Чё?

– Обман слуховой. Ты как вообще сюда попал?

– Сам знаешь как!

Шаги прекращаются.

– Пётр – двести шесть?

– Я!

Валентина Петровна, древняя настолько, чтобы иметь отчество, вперивается в меня близоруким взглядом.

– Откуда?

– Трёхсотый архипелаг! – чеканю я.

– Родион – триста десять?...

На утренней перекличке, на главной площади Альфы, человек двести пацанов и девчонок. Тоха деловито осматривает коридоры-ответвления, но далеко пока не отходит.

– Вы близнецы?

Белобрысая курносая девчонка. Кудрявые волосы небрежно забраны в «гульку» на затылке. У нас в приюте за такое бы мигом обстригли.

– С чего взяла? – прищуривает глаз Тоха, хотя прекрасно знает с чего. «Братья» это самое мягкое, что мы слышали за эти шесть лет.

– Циолковский нашептал! – огрызается девчонка. – Оба русые, мелкие, с одного архипелага. Что мне ещё думать?

– А ты не думай, девчонкам вредно. – Тоха как всегда.

Обиженно фыркнув, отворачивается. Но уже через секунду не выдерживает.

– С каждого архипелага по одному человеку присылают же.

– Нас двое. Возражения?

Снова фыркает. Слушает Валентину Петровну. Я украдкой смотрю на неё. Хочется что-то ей сказать, оправдать Тоху. Не могу ничего придумать.

Старуха тем временем заканчивает перекличку.

– Спутник «Альфа» – это полноценный город! Со своей инфраструктурой и правилами жизни.

Голос её с такой лёгкостью перекрывает две сотни галдящих глоток, что мне становится завидно.

– Попрошу вас, пока вы находитесь здесь, соблюдать эти правила.

Над головой Валентины Петровны начинает мерцать гигантский экран с неоновыми буквами:

1. НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ С ТЕМИ, КТО РАБОТАЕТ
2. НЕ ЗВОНИТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ СПУТНИКА
3. НЕ ХОДИТЬ ПО СПУТНИКУ БЕЗ СОПРОВОЖДАЮЩИХ

– Любой, кто нарушит одно из правил, будет немедленно отослан на свой архипелаг!

Валентина Петровна снимает очки и совсем другим, мягким голосом говорит:

– Ещё просьба лично от меня. Я знаю, что у многих из вас условия для жизни были не самые лучшие. Так что ешьте хорошо, пожалуйста. Восстанавливайте силы.

Надевает очки. Снова становится строгой воспиткой.

– А теперь следуйте за мной. Сегодня у вас день письменных тестов.

Толпа медленно двигается вперёд. Тоха косится на меня, кивает на ближайший коридор.

Я умоляюще шепчу:

– Давай хотя бы после тестов!

– Вы слышите т о п о т ?

Вычислительный отсек. Бесконечные ряды улыбающихся лиц, стучащих по клавиатуре пальцев. И провода. Сотни тысяч проводов, уходящих куда-то наверх.

Сегодня нас уже меньше. Те, кто остался, в возбуждении толкуются на смотровой площадке, вытягивают шеи.

Тоха заметил боковую лестницу. Только собрался по ней слинять вниз и тут – нате! Опять та белобрысая.

– Т о п о т ?

– Ну да, по ночам. Под дверью кто-то...

– Шлёпает. – Заканчиваю я за неё.

Девчонка энергично кивает.

– Я в первую ночь думала, что показалось. А сегодня послушала, точно топает!

– Ну топает и топает... – Тоха с неприязнью косится на белобрысую; – Иди у других спроси, может у них тоже топает...

Девчонка закатывает глаза:

– Я спрашивала. Они все ночью спят.

– И ты спи. – Тоха поворачивается к ней спиной. Даёт понять, что разговор окончен.

Всколыхнувшись, толпа начинает выливаться прочь. Прочь от смотровой площадки и вычислительного центра. Тоха садится у стены, старается стать незаметным. Но голос Валентины Петровны вонзается жалом:

– Арина – четыреста три, Антон – девяносто семь, Пётр – двести шесть! Следуем на практические испытания!

Тоха ругается сквозь зубы.

– Ты, если хочешь, приходи к нам после отбоя. Послушаем вместе. Мы в семь-семь-гамма.

Сам удивляюсь своим словам. Не только я, кажется.

– Арина – четыреста три...

– Да идём мы, идём! – Арина делает шаг к выходу.

Шепчет мне:

– В одиннадцать буду у вас.

По шее мурашки бегут. Тоха тяжело вздыхает.

– Ты зачем её позвал?

– А чё?

– Через плечо. Заметят, что она одна бродит, и вышвырнут тебя как миленького.

– Почему сразу меня?

– Потому что меня срежут сейчас на испытании...

Во время ужина Тоха куда-то слинял. А я так волновался за него, что кусок в горло не лез. Теперь лежу и слушаю малейшие шорохи снаружи. Заедаю волнение пайком.

Скрип двери. Вздогнув, сажусь на кровати.

Тоха. Опускается на свою койку, поджимает ноги.

– На этом уровне голяк. Завтра выше пойду.

– Может, не надо? Сам говоришь – вышвырнут мигом.

Пожимает плечами.

– Да я и так и так слечу.

Снова скрипит. На этот раз вздрагиваем оба. Что же такое сегодня?

Арина. В рубашке и коротких пижамных штанишках, стоит, переминается с ноги на ногу.

Тоха садится поудобнее.

– Тебя засекли?

– Вроде не. Соседка сожрала от радости две котлеты и спит. Везде темно.

– Про камеры ночного видения не слышала? – бурчит мой друг.

Арина качает головой и неожиданно с ногами забирается ко мне на кровать. Плечом касается моего плеча. Я даже вздохнуть не могу.

– Что у тебя там? Печенье?

Протягиваю пачку.

– Спасибо! А то в столовке такой странный привкус у еды...

Тут же начинает хрустеть.

– А чего вас так много в комнате?

Два ряда по четыре кровати. Это она называет много?

– Да у нас в приюте я бы что хочешь отдал за комнату на восемь мест. – Тоха спускает ноги на пол, – Почти люкс.

Арина недоверчиво косит глаза.

– А ты чё, домашняя?

– Штаны твои домашние. – Огрызается она; – Я из дома труда.

Выдыхаю. От удивления.

В домах труда все живут по двое. Потому что для обеспечения бесперебойного производства нужны как минимум два человека. Пока один спит, другой точит титановые шурупы. А потом наоборот. Даже на дремучем архипелаге, откуда мы прилетели больше таких нет.

– А как ты сюда попала? Вас же не учат.

– Да учат нас. – Хмыкает Арина. – По желанию. А желающих мало. Но управляющим это даже удобно – они с документами возиться не любят. Мне, чтобы сюда попасть, пришлось самой себе карточку делать.

В конце коридора раздаются шлепки босых пяток. Арина вздрагивает и прижимается ко мне.

– Т о п о т!

Шлёпает совсем рядом с нашей дверью. Не сговариваясь, бежим к ней.

– Заблокировали!

Тоха мужественно оттирает плечом Арину. Дёргает дверь. Тоже хватаюсь за ручку.

Как забетонировали.

А шаги, кажется, дошли до пункта своего назначения. Скрип двери – и в коридоре снова тихо. Стоя в темноте мы тарасимся друг на друга.

Первым молчание нарушает Тоха.

– А почему никто не проснулся?

Гудящие двигатели, вентили и шлюзы – машинный отсек. Нас ещё меньше. А Арина выглядит очень плохо. Гулька растрепалась, под глазами синяки.

– Арин, ты чего?

– Мою соседку забрали!

– Чё?

– Через плечо! – передразнивает меня Арина; – Соседки нет. И вещей её нет. И даже кровати нет!

– Так может, она испытание не прошла?

– Прошла! – припечатывает Арина.

– Дела... – чешет затылок Тоха.

Острый взгляд Валентины Петровны, казалось, сейчас прожжёт в нас дырку.

– Спроси у Валентины! Может, ошибка.

– Я её боюсь!

– Давай я спрошу!

Снова удивляюсь собственным словам. Я же её тоже боюсь. Но уже пообещал.

– Валентина Петровна!

Взгляд-прожектор перемещается на меня. Только сейчас замечаю, что Тохи рядом нет.

– У Арины соседка пропала...

Старуха опускает глаза на экран в её руках.

– Татьяна – семьсот один не прошла испытание...

– Да как же, прошла она! – Арина не выдерживает.

– Татьяна – семьсот один не прошла испытание и отправлена на свой архипелаг. – спокойно заканчивает Валентина: – Мне очень жаль. А сейчас следуйте за мной на проверку голограммой.

Откуда-то сбоку выныривает Тоха.

– Тут ни одного человека во всём отсеке, прикинь?

Доедаю последнее печенье. Напротив – снова пустая койка. Не знаю, куда девать себя от волнения. Придёт сегодня и скажу, чтобы он больше никуда не ходил.

Привычный уже скрип двери. Арина. Снова забирается ко мне на кровать.

– Боюсь одна спать. А где Антон?

Ушёл на верхний уровень вроде.

Таращит глаза.

– Ты знаешь, зачем он на Альфе?

Мотает головой.

– В приюте сказали, что его родители скорее всего тут. Вот я и помог пройти ему испытания, чтобы он прилетел сюда и нашёл родителей. Мы специально одинаковое количество баллов набрали.

– Дела-а... А чего у Валентины не спросит?

– Спрашивал. Но ты же знаешь «С работниками спутника

общаться нельзя».

– Ага... А ты чего не с ним?

– Не разрешает. Говорит, я должен пройти все испытания и жить тут.

Поднимаю глаза. Большое Скопление смотрит на меня. Хотел бы я тут жить? Наверное, да. Если бы Тоха остался. И Арина осталась. И если бы не...

– Сколько времени?

– Не знаю...

Арина смотрит на меня. Понимаю, что она думает о том же.

– Скоро т о п о т –, шепчет одними губами.

Выскакиваем за дверь. Ледяной пол обжигает босые ноги.

Бесконечная сеть коридоров Альфы раскинулась во все стороны от нас. И где тут проход на верхний уровень?

Наугад сворачиваю направо. Тёмный коридор с бесконечной вереницей дверей и окон. Далеко вверху сияет иллюминаторами Большое Скопление. Я даже не могу вспомнить, были мы здесь или нет.

– Тоха!

Арина испуганно шипит. Но мне всё равно. Кроме Тохи у меня никого.

Прислушиваюсь.

Ни звука.

Торопливо идём в конец проулка. А он, зараза, всё не кон-

чался.

– Тоха!

Удивительно, до сих пор на мои крики так никто и не выглянул.

Снова направо. Проулок загибается куда-то вверх, уходит стрелой так, что конца не видно.

– Тоха!

Моё эхо катится по проулку и летит куда-то дальше. На смену ему приходит новый звук.

Т о п о т.

Не сговариваясь, мы с Ариной бежим вверх. Босые пятки стучат сзади. Не оборачиваться. Бежать.

Т о п о т.

Впереди дверь. Успеть бы.

– На-аверн з-блокирован... – задыхаясь сипит Арина.

Не обращаю внимания. Хватаю её за руку и упрямо тяну всё выше.

Т о п о т.

Двери. Совсем близко. И он тоже совсем близко. Протягиваю руку. Открыто!

Коротким хлопком дверь отрезает нас от т о п о т а. Арина кашляет и хрипит:

– Воняет...

И правда – воняет. Пытаюсь найти источник запаха. Поднимаю глаза.

Крик застревает где-то в районе гланд.

Тысячи проводов. Тысячи тысяч проводов, которые вмонтированы в пол. Провода тянутся как механические пуповины. В их сплетении свободно парит Валентина Петровна. Провода жадно присасываются к её рукам и ногам, к дряблой груди и животу.

Сзади раздаётся бульканье. Поворачиваюсь. Арина стоит на коленях – сотрясается в рвотных спазмах. Показывает рукой на тёмный угол.

Сначала я вижу кучу одежды. А потом понимаю.

Безвольными тряпочками в горе лежат и гниют человеческие тела. Вместо головы у каждого – что-то похожее на сдутый воздушный шарик. Шарик в костюме. Шарик в платье. Шарик в детской пижаме.

Тут и меня сгибает напополам.

– Какие умные! Какие вкусные!

Провода приходят в движение. Это Валентина Петровна ворочается в трубах-пуповинах.

Пытаюсь поднять Арину с пола. Карга смеётся.

– Куда собрался, Пётр – двести шесть? Смотри!

Её рот раскрывается буквой «О». Отворачиваюсь.

– Смотри!

Её голос в моей голове. Заставляет повернуться и глядеть.

Буква «О» всё больше.

Дверь открывается. Оттуда выплывает сгусток извивающихся как змеи труб. С их краёв течёт что-то вязкое, звонко шлёпает на землю. Как босые пятки шестилетки.

Провода лезут мне в нос и уши, ползут куда-то наверх, оплетают руки и ноги. А я... я хочу этого! Мечтаю приблизиться к букве «О»!

Скорее бы.

– Иди ко мне, Пётр – двести шесть! Будь самым умным! Будь самым вкусным!

– Будь самым умным! – отзываются в моей голове тысячи счастливых воплей.

– Будь... – голос Тохи вцепляется булавкой в мозг – Будь...

Буква «О» уже совсем близко. Ещё немного и я увижу... Ещё немного и я... Ещё...

На краю сознания появляется новый звук. На что-то похож. Пытаюсь сосредоточиться на букве «О», но отвлекает... Газировка! Точно, с таким звуком открывается крышка!

Буква «О» неожиданно сужается, дрябнет. Пытаюсь сфокусироваться, но что-то мешает.

Снова газировка.

Вдруг осознаю, что из ушей и носа течёт кровь. Очень больно!

Буква «О» с глухим хлопком исчезает.

Падаю на землю. Тело горит огнём. Пытаюсь вдохнуть и краем глаза вижу Арину. Со звуком откручивающейся от газировки крышки она выдирает провода. Те безвольно виснут на Валентине Петровне.

Старуха снова округляет рот, но захлёбывается – Арина

выдёргивает последний пучок проводов. Тело Валентины с влажным шлепком падает на пол.

– Тебе сколько лет, девочка?

Вопрос застаёт Арину врасплох. Смотрит на старуху как на сумасшедшую.

– Одиннадцать...

– ... А по карточке двенадцать... – расстроенным голосом сообщает Валентина и закрывает глаза.

Мы с Тохой снова пытаемся уснуть. Здравствуй, родной трёхсотый архипелаг и пыльное стекло, через которое не видно ни одного корабля.

Альфу расформировали. Точнее, вычистили от того, что там было и разобрали на запчасти. Всех, кто остался, отправили обратно.

– Петя!

Арина. Её распределили к нам после указа о расформировании рабочих домов.

– Чего ты опять в мужской спальне шарисья?

Тоха как всегда.

Не обращая на него внимания, Арина забирается ко мне на кровать и роняет на одеяло портативный экран с новостями:

– Вау! А откуда...

– Читай! – перебивает Арина

На тусклом дисплее я вижу текст:

«На инновационный спутник «Бета» требуются работники. Приглашаются все желающие, начиная с двенадцати лет».